

RU

«Карамзинский канон» в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки

Константинова Н. В.

Аннотация. Цель исследования – определить функции элементов «карамзинского канона» в повествовательной структуре «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки. В статье проясняется специфика влияния «карамзинского канона» как «сентиментального канона» на травелоги начала XIX века в аспекте проблемы автора; обосновывается правомерность исследования авторских установок в документальном травелоге в контексте анализа структуры повествования. Научная новизна исследования заключается в изучении специфики влияния «карамзинского канона» на документальные травелоги начала XIX века в аспекте проблемы автора. В результате доказано, что выделение элементов «карамзинского канона» путешествия на уровне организации повествования позволяет обнаружить разные варианты форм авторского присутствия в тексте. «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки представляют модель повествовательной структуры травелога, в которой выделяется новый вариант типа рассказчика – очевидца событий, несвободного путешественника, служивого человека, подчиняющегося чужой воле, способного при этом принимать на себя роли стороннего наблюдателя, философа, историка, поэта, воина.

EN

“Karamzin canon” in “Letters of a Russian Officer” by F. N. Glinka

Konstantinova N. V.

Abstract. The aim of the research is to identify the functions of the elements of the “Karamzin canon” in the narrative structure of “Letters of a Russian Officer” by F. N. Glinka. The paper clarifies the specifics of the influence that the “Karamzin canon” as a “sentimental canon” had on the travelogues of the early XIX century in the aspect of the author’s problem; substantiates the validity of studying authorial attitudes in the documentary travelogue in terms of analysing the narrative structure. The scientific novelty of the research lies in studying the specifics of the influence of the “Karamzin canon” on the documentary travelogues of the early XIX century in the aspect of the author’s problem. As a result, it has been proved that by highlighting elements of the “Karamzin canon” of travel at the level of narrative organisation, it is possible to detect different variants of the forms of the author’s presence in the text. F. N. Glinka’s “Letters of a Russian Officer” represent a model of the narrative structure of the travelogue in which a new variant of the narrator type is highlighted, i.e. an eyewitness to the events, an involuntary traveller, a serviceman obeying someone else’s will, capable of assuming the roles of an outside observer, philosopher, historian, poet, warrior.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в контексте эволюции жанра травелога в начале XIX века именно документальные произведения наиболее репрезентативно представляют особые сочетания авторских установок как способа конструирования творческого субъекта, что позволяет актуализировать проблему автора. Анализ произведений с такой точки зрения дает возможность также сделать важные выводы об основных тенденциях развития жанра в начале XIX века и на фоне литературной традиции, продемонстрировать принципы сочетания вымысла и документальности, выявить соотношение с «карамзинским каноном» в аспекте проблемы автора. Особый интерес произведение Ф. Н. Глинки вызывает еще и потому, что в сопоставлении с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина представляет собой вариант травелога, в котором появляется новый тип субъекта повествования – русский офицер, путешествующий не по своей воле, рефлексирующий по поводу своих путевых записок, меняющий точку зрения на предмет описания. В связи с этим предельно документальное повествование о военных походах становится многомерным и многослойным, включает в себя частный рассказ участника военных сражений, философские рассуждения историка, обобщающего описанные явления до общегосударственных, общечеловеческих масштабов,

лирические отступления путешественника, выражающего свой индивидуальный взгляд на чужой мир (часто сквозь призму литературных шаблонов). Таким образом, вопрос о специфике выражения и функционирования «карамзинского канона» в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки является актуальным при изучении проблемы автора в русском документальном травелоге XIX века.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выделить и охарактеризовать элементы «карамзинского канона» в документальном травелоге Ф. Н. Глинки; во-вторых, описать функции элементов «карамзинского канона» в «Письмах русского офицера» в аспекте проблемы автора; в-третьих, проанализировать специфику повествовательной структуры травелога Ф. Н. Глинки в сопоставлении с «карамзинским канонам». Для осмысления специфики выражения и функционирования «карамзинского канона» в документальном травелоге Ф. Н. Глинки в статье применяются следующие методы исследования: биографический, структурно-типологический, историко-литературный. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание выражения и функционирования «карамзинского канона» в документальном травелоге Ф. Н. Глинки «Письма русского офицера».

Материалы исследования: Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год. М.: Медиа, 2014; Раевский А. Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М.: ЕВРОБОНД; Кучково поле, 2014.

Теоретической базой исследования послужили публикации О. В. Кублицкой, Т. В. Мальцевой (2017; Кублицкая, 2018; 2019), представляющие современный опыт изучения повествовательной структуры травелогов; Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского (1987), Т. Роболи (1926), В. В. Сиповского (1899), О. В. Мамуркиной (2015), в которых выделяются особенности повествовательной структуры «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, определяются элементы «карамзинского канона», уделяется внимание его влиянию на развитие литературы путешествий в начале XIX века; исследования Н. Н. Петруниной (1978), Е. Р. Пономарева (2011; 2014), Д. Р. Гоперхоевой (2019), в которых характеризуется специфика субъекта повествования в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки, выделяются особенности военного травелога в контексте литературы путешествий XIX века; статья А. Г. Тартаковского (1982), посвященная истории создания травелога Ф. Н. Глинки.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье принцип выражения и функционирования «карамзинского канона» в документальном травелоге Ф. Н. Глинки может быть использован в педагогической деятельности для усовершенствования образовательного процесса при изучении истории литературы XIX века и теории жанров.

Обсуждение и результаты

По общепринятому мнению, своеобразной «точкой отсчета» в развитии жанра путешествия в начале XIX века стали «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, сформировавшие своего рода «канон путешествия». Еще Т. Роболи, исследуя жанр «путешествия» в литературе конца XVIII века, выделяет в русских путешествиях две ориентации («стерновскую» и «типа Дюпати») и относит текст Карамзина к «гибридному типу», в котором «этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» (1926, с. 50).

В дальнейшем, развивая эту мысль, Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский (1987) акцентируют внимание на новаторских особенностях произведения Н. М. Карамзина, существенно изменивших развитие травелога в XIX веке. К таковым отнесены следующие характеристики: имитация нелитературности, указание на любительский характер записок, разрушение шаблонов традиционной путевой прозы, разделяющей ее на типы (научное путешествие и литературное), создание особой – «смешанной» – разновидности дискурса травелога, в которой соединяется документальное и художественное, стремление убедить читателя в спонтанной фиксации увиденного, выдвигание авторского «Я» на первый план (биографический автор имеет своего двойника в повествовании), смещение акцента с события путешествия на субъекта, имитация автобиографизма повествования, игра авторскими масками, использование формы писем, обращение к друзьям, выделение фигуры читателя, стремление побудить его к самопознанию, обозначение основной задачи травелога как исповеди «чувствующего сердца».

В качестве определенной устойчивой модели травелога начала XIX века В. В. Сиповский (1899) в работе «Карамзин, автор „Писем русского путешественника“» выделяет тип путевых записок, удовлетворяющих интересам сердца и разума одновременно в противоположность традиции Л. Стерна. При этом интерес вызывает обозначение составных элементов «Писем русского путешественника», которые чаще всего воспроизводятся у подражателей: начинаются путевые записки с выражения грусти автора при разлуке с друзьями, родными или Отечеством; далее идет повествование с такой же прихотливой смесью рассуждений, описаний, повествований и лирических отступлений; используются вставные эпизоды, разрастающиеся до целых повестей; иногда живой диалог; нередко стихи; комические сцены и остроты; попытки воспроизвести жизнь во всем ее объеме и разнообразии, философские размышления субъекта повествования (чаще всего рассказчики задумывались над тленностью всего сущего); противопоставление роскоши и нищеты, восхваление путешествия, жалобы на беспокойство души, заставляющее человека искать новизны.

Обнаруженная в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина дистанция между автором и повествователем позволяет сделать акцент на особом способе организации структуры повествования в травелоге. Ретроспективная форма повествования, «временное и пространственное несовпадение реального путешествия и его описания» выявляют процесс авторского «осмысления» события путешествия, своего личного

состояния и изменения в ситуации восприятия иного мира, национальную самоидентификацию и т. д. Иными словами, в травелоге, так или иначе, обнаруживается процесс авторского моделирования структуры повествования и пишущего субъекта. Особенно ярко это проявляется в тех произведениях путевой прозы, в которых субъект повествования получает конкретную номинацию, как в случае с Карамзиным – «русский путешественник». Выделение субъекта повествования как определенного типа фиксирует процесс моделирования авторской точки зрения, фокуса изображения и события путешествия, и чужого пространства, и способа описания.

Указанные особенности «Писем русского путешественника» фактически становятся своеобразным «карамзинским каноном» литературы путешествий в начале XIX века, который и определяет вектор развития как литературных, так и документальных травелогов. Несмотря на то, что в современном литературоведении, в работах О. В. Кублицкой и Т. В. Мальцевой (2017; Кублицкая, 2018; 2019), О. В. Мамуркиной (2015), изучаются особенности повествовательной структуры травелогов на теоретическом уровне, даже предпринимаются попытки выделять новые терминологические понятия (травелогема, дестинация (Кублицкая, Мальцева, 2017; Кублицкая, 2018)), функциям элементов «карамзинского канона» в аспекте проблемы автора внимание не уделяется (на материале документальных травелогов).

Среди наиболее популярных травелогов начала XIX века оказываются не в полной мере исследованными «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки (2014), начатые им за несколько лет до 1812 года и законченные зарисовками Парижа в 1814 году. В то же время этот текст с точки зрения повествовательной структуры представляет собой один из вариантов воплощения «карамзинского канона» в жанре травелога. Обращает на себя внимание выбор формы – письма, а также номинация субъекта повествования – «русский офицер». Фактически название дублирует вариант Н. М. Карамзина, меняя лишь одно слово – «путешественник» превращается в «офицера». Так, уже в названии путевых записок Ф. Н. Глинки фиксируется соотносительность с «Письмами русского путешественника». В номинации «русский офицер» сохраняется очевидная установка на достоверность, близость субъекта повествования «биографическому автору». Действительно, как и в случае с Карамзиным, травелог Глинки имеет биографическую основу. В 1805-1806 годах Глинка состоял адъютантом при генерале М. А. Милорадовиче, участвовал в сражении «трех императоров» при Аустерлице 2 декабря 1805 года. Выйдя в отставку, в 1808 году опубликовал «Письма русского офицера» – записки о военных кампаниях 1805-1806 годов. В 1812 году опять поступил в армию адъютантом к Милорадовичу и находился в походах до конца 1814 года. Участвовал в боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже и Баутцене. Вернувшись в Россию, в 1815 году переиздал военные записки с дополнениями – «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год». Уже в Предуведомлении к «Письмам...» Глинка помещает диалог, в котором ведется дискуссия о том, надо ли что-то редактировать в записках, созданных непосредственно во время реальных военных действий «биографическим автором» – участником сражений, русским офицером. В этом разговоре нарочито выделяется мнение, которое и выражает в большей степени специфику повествования в тексте Глинки: И. А. Крылов настаивает на том, чтобы автор ничего не менял в своих записках, сделанных им непосредственно на поле боя, оставил нетронутыми «походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков» (Глинка, 2014, с. 2). Высказывание очевидно моделирует авторскую установку на создание определенного типа/варианта субъекта повествования: рассказчик – «фронтальной офицер» – противопоставлен «историку», «сухое официальное изложение» – тому, «как виделось, мыслилось, чувствовалось». О том, что это моделируется автором «Писем...», становится понятно из указаний Е. Р. Пономарева по поводу достоверности записок: «Как показал А. Г. Тартаковский (1982), в основе “Писем” действительно лежит современный событиям дневник, однако в дальнейшем дневник подвергся серьезной ретроспективной обработке, окончательной редакцией которой и стало издание 1815-1816 гг.» (2011, с. 161). «Спонтанность» записей («все, что написалось у вас, где случилось, как пришлось») принципиальна, так как выражает причастность рассказчика описанным событиям, характеризует его как патриота, способного на самопожертвование. Кроме того, исследователь обращает внимание и на соотносительность повествователя Глинки с предшествующей традицией в жанре травелога, указывая также на раздвоенность, но иного типа: «Если у Карамзина позиция путешественника двойится в зависимости от падающего на нее света (европейский взгляд создает путешественника-ученика, взгляд из России – путешественника-учителя), то здесь позиция путешественника двойится изнутри: с одной стороны, он офицер русской армии – и именно в этом статусе путешествует... с другой – в свободное от службы время он частный человек, способный наслаждаться увиденными красотами. Однако красоты привлекают путешественника поскольку-постольку: его пером движет не приватное чувство, а сама История» (Пономарев, 2011, с. 163). Таким образом, в аспекте проблемы автора текст Глинки вызывает интерес как выражение авторского национального самосознания, которое раскрывается через сочетание точек зрения путешественника – «частного человека» и офицера русской армии, воспринимающего европейское пространство в контексте особых исторических событий.

В структуре повествования «Писем...» Ф. Н. Глинки в сопоставлении с «карамзинским каноном» обнаруживается как очевидное подражание, так и принципиальное новаторство: меняется ключевая установка – путешествие не ради удовольствия, путешественник свободен в выборе маршрута, времени пребывания, а путешествие по необходимости, вынужденное перемещение в пространстве, путешественник не свободен, он следует чужой воле. Эта особенность роли рассказчика, на которую уже указывали исследователи (Петрунина, 1978; Пономарев, 2011; Гоперхоева, 2019), и становится определяющей в процессе создания структуры повествования. Более того, она является постоянным объектом рефлексии самого субъекта повествования: «Хорош путешественник! Кто не станет смеяться над ним! Проехав столько земель Германии, едва при конце

схватился писать об ней. Признаться, я говорю это о себе; но ты знаешь, любезный друг, что я иду, куда меня ведут, и не так, как хочу, а как велят, то есть я служу. Следовательно, и досужным временем очень не богат» (Глинка, 2014, с. 53). Ориентация на «образцы» – подражание – сменяется «отталкиванием», но не пародированием, возникает иной тип путешественника – «офицер», действующий не по своей воле, но сохраняющий задачу – показать свои чувства, впечатления, а не только передать сведения, зафиксировать информацию. Кроме того, в процессе фиксации своих впечатлений субъект повествования пользуется разными точками зрения, меняет фокус изображения событий – от внешнего наблюдения до точки зрения со-участника событий, включенного в общее «видение»: «Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. *Смерть* (здесь и далее – курсив Ф. Н. Глинки. – Н. К.) все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут *целыми обществами* переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! <...> Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники отечества! Сии достойные офицеры русские» (Глинка, 2014, с. 68). В этом показательном фрагменте переход от формы повествования Я к МЫ подчеркивает двойственность сознания субъекта описания – непосредственного участника событий и наблюдателя, способного философски размышлять о страшных перипетиях в судьбах людей, что позволяет автору создать эффект «многомерной» оптики восприятия события через включенность индивидуального во всеобщее, коллективное. Образ «русского офицера» показан, с одной стороны, как частное индивидуальное лицо («сегодня смеемся с другом»), с другой стороны, как часть целого («целыми обществами»), в котором нивелируется индивидуальное в контексте глобальных исторических событий.

На усложнение функций автора-путешественника указывает в своем исследовании и Д. Р. Гоперхоева в контексте описания «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки как военного травелога: «В его задачу теперь входит не столько познакомить читателя с реалиями другой страны, сколько передать события с различных точек зрения. Поэтому Глинка преподносит свои наблюдения и как непосредственный очевидец событий, и как военный историк <...> он передает свои впечатления о бытовых сторонах жизни в других странах <...> Но даже самые обыденные события рассматриваются им со стороны военного путешественника» (2019, с. 31). Обращает на себя внимание указание на принципиальное доминирование позиции военного, офицера в его путевых записках.

Кроме того, важно обозначить, что предметом рефлексии рассказчика становится и способ высказывания других субъектов повествования: «Картина ужасная!.. Войска наши предпринимают какое-то очень искусное движение влево. Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества. Так скажет история, и так говорит главнокомандующий: таков есть голос всего войска, готового сражаться до последней капли крови! Ты знаешь, что в 1571 году, при царе Иване Васильевиче, вся Москва разорена и была предана пламени набежавшим с ордой крымских татар ханом Дивлет-Гиреем в день 24 мая. “Все улицы наполнены были кровью и трупами, и Москва-река «мертвых не пронесла!»” – так повествует летописец» (Глинка, 2014, с. 78). Понятие «голос» как определенная точка зрения на событие, как способ передачи информации выделяется в речи рассказчика в процессе анализа разных ролей субъекта повествования. Обозначение отдельных номинаций/типов субъекта повествования характерно для ранних фрагментов «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки, что представляет своеобразные эксперименты автора на повествовательном уровне.

Но в дальнейшем структура повествования усложняется: рассказчик как субъект повествования демонстрирует владение разными ролями, моделями описания. В эпизоде, представляющем слияние двух больших рек Буга и Наревы и их последующее поглощение более мощной рекой, используются различные варианты интерпретации природного явления с разных точек зрения, указанных в повествовании следующими номинациями: стихотворца, воина, историка и путешественника. Позиция стихотворца выражает мифопоэтическое восприятие ситуации – слияние двух рек и их дальнейшее поглощение более мощной рекой описано как воссоединение двух влюбленных и их скорая гибель, для воина реки – это два друга-витязя, бойца, которые вместе погибают, оказываются в одной могиле, что характеризует их верность дружбе, способность к самопожертвованию на поле боя, в интерпретации историка в этом быстром разрушении единства, скором изменении целостности природного явления символически воплощается недолговечность торжества славы Наполеона, путешественник же объясняет все предельно объективно, выделяя в качестве причины особенности почвы. Таким образом, выделенный эпизод становится примером «творческой лаборатории» автора, который в своем повествовании, с одной стороны, соотносит разные модели описания одного и того же объекта действительности, с другой стороны, показывает, как влияют выбранный тип рассказчика, его точка зрения на интерпретацию объективной реальности в травелоге. Кроме того, можно предположить, что в этом фрагменте продемонстрированы основные (отрефлексированные автором) составляющие элементы структуры образа субъекта повествования, формы авторского самовыражения.

Напомним, что в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина подобные роли входили в «много-слойную» структуру субъекта повествования (чувствительный путешественник, поэт, историк, философ, психолог), в «Письмах...» Ф. Н. Глинки сам процесс организации повествования как определенная модель, типичная для жанра травелога, становится объектом описания. Рассказчик оказывается в позиции создателя этого процесса, он его моделирует в своем сознании, постоянно отвечая на вопрос, как можно описать ситуацию, поступок. В связи с этим «карамзинский канон» фактически становится объектом рефлексии в повествовании

«Писем русского офицера», что проявляется на уровне выбора установки пишущего субъекта. Важным отличием является, конечно, изменение фокуса изображения событий: позиция наблюдателя – внешняя точка зрения – трансформируется в позицию активного участника, включенного поневоле, по службе в ситуацию путешествия. Однако именно на такую особенность записок русского офицера как на ценность письменной фиксации событий участником указывают читатели – авторы других травелогов о военных походах.

Особый интерес вызывают комментарии в записках А. Ф. Раевского, посвященные его встрече с Ф. Н. Глинкой в походе 1813 года. Рассуждая о достоинствах сочинений двух типов писателей (участников описываемых событий или наблюдателей) о военных походах, Раевский выделяет тех, кто воспитывает в читателе патриотизм на собственном примере: «С одинаковым ли чувством читаю я певца в стане русских воинов и барда на гробе славян-победителей? Очарованный согласною цевницею барда, я не ощущаю того сладостного, невольного восторга, объемлющего душу мою, когда внимаю сладостный глас воина, который при треске падающих градов, при пламенном зареве битв, пред стенами разрушенной столицы, за круговой чашею ликующих братьев, готовых к победе или смерти, живописует предстоящее взору и запечатленное в сердце. Чувства и истина суть первые достоинства писателей» (2014, с. 29-30). Обращает на себя внимание в этом высказывании выделение точки зрения – «голоса» – «гласа воина», что и становится основным новаторством в травелоге Ф. Н. Глинки в сопоставлении с «карамзинским каноном». Хотя в оценочном суждении А. Ф. Раевского отмечено и сочетание чувства и разума, что является характерной чертой именно «Писем русского путешественника». Рассказчик «Писем русского офицера», по мнению другого участника военных событий, «живописует предстоящее взору и запечатленное в сердце», что фиксирует взаимосвязь объективного и субъективного начал в повествовательной структуре военного травелога.

Однако в Заключении в речи рассказчика появляется вновь шаблонность в описании процесса создания своих записок: традиционное «уничужение», стремление заранее извиниться за погрешности в своих записках («Как неопытный и еще безвестный сочинитель писем сих, с невольным трепетом ожидаю приговора оным. Утешаюсь только тем, что не корысть или другие подобные ей побуждения, но единственное желание угодить соотечественникам побудило меня писать о войне под звуком громов ее, изображать вид сражений почти в самом пылу оных, делать повсюду наблюдения и все замечания, мысли и чувства свои осмелиться излагать на бумагу» (Глинка, 2014, с. 158)), указание на просветительский характер записок, патриотическую задачу – сохранения памяти о подвигах воинов – защитников Отечества («Счастлив буду, если не обманутый в надежде и цели моей заслужу благосклонное внимание просвещенных читателей. Оно послужит мне лестнейшею наградою за слабый, но усердный труд. Счастлив буду, если книга моя принесет хотя малое удовольствие вам, почтенные сыны России, храбрые воины, пожавшие лавры на родных и чуждых полях!..» (Глинка, 2014, с. 158)), установка на объективность, достоверность и историческую точность материала, несмотря на субъективность описания («Но свыше всех мер награжден буду, если удостоверюсь, что книга моя не недостойна быть в руках будущего историка нашего времени и потомства. Много погрешностей найдет строгий взор разборчивости в незрелых трудах моих, и я заранее уже взываю к снисходительности читателей» (Глинка, 2014, с. 158)). Однако даже в такой саморефлексии пишущего субъекта, очевидно ориентированной на «карамзинский канон», можно выделить черты новаторства и отклонения от традиции: указание на любительский характер записок сопровождается выделением особой функции письма, которая выражается в желании «угодить соотечественникам», стремлении «писать о войне под звуком громов ее», передать не только объективную информацию, но и выразить свои чувства и мысли, характеристике событий «здесь и сейчас», точке зрения очевидца, воина.

Цель субъекта повествования в соотношении с «карамзинским каноном» усложняется: важно не только передать информацию, просвещать читателя, но и сформировать определенные нравственные установки. В тексте военного травелога Ф. Н. Глинка ставит и очень важные проблемные вопросы о современном обществе, о преемственности поколений, о влиянии просвещения на сознание человека: «Защитники нынешнего века беспрестанно восклицают, что мы час от часу становимся умнее, просвещеннее. Поверим им и спросим: становимся ли мы счастливее? ...Разве похвалиться тем, что изобрели бесполезное искусство летать на шарах или другое, приводящее в трепет вселенную, искусство в один день убивать до 100 000 народа, сжигать флоты, приступать к неприступному...» (2014, с. 64-65). В связи с этим записки очевидца военных событий выполняют и функцию напоминания «о прошлых временах грозной войны», что способствует формированию национального самосознания и патриотизма.

Заключение

Таким образом, выделение элементов «карамзинского канона» путешествия на уровне организации повествования позволяет обнаружить разные модели форм авторского присутствия в тексте. «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, в свою очередь, создают определенный тип повествования, в котором выделяется модель пишущего субъекта, включающая образ рассказчика – очевидца событий, несвободного путешественника, служивого человека, подчиняющегося чужой воли, способного при этом принимать на себя роли стороннего наблюдателя, философа, историка, поэта, воина, патриота.

Важно отметить, что эта модель намеренно конструируется автором как способ самовыражения в тексте, способ презентации определенной точки зрения на событие рассказывания, который будет воспринят читателями. Рассказчик в письмах, с одной стороны, оказывается максимально приближенным к «биографическому

автору», о чем свидетельствуют многочисленные дневниковые подробности, с другой стороны, выполняет функцию своеобразной экспериментальной модели субъекта повествования, с помощью которой автор выражает разные точки зрения на военные события, в том числе особенности национальной и творческой самоидентификации. В связи с этим предельно документальное повествование о военных походах становится многомерным и многослойным, включает в себя частный рассказ участника военных сражений, философские рассуждения историка, обобщающего описанные явления до общегосударственных, общечеловеческих масштабов, лирические отступления путешественника, выражающего свой индивидуальный взгляд на чужой мир (часто сквозь призму литературных шаблонов).

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении способов авторского самовыражения в военных документальных травелогах начала XIX века (например, в сопоставительном анализе «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки и «Походных записок русского офицера» И. И. Лажечникова), выделении общих повествовательных тенденций (клише, шаблонов) и индивидуальных авторских вариантов.

Источники | References

1. Гоперхоева Д. Р. Военный травелог и его роль в самоопределении русского автора в европейском культурном пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 7.
2. Кублицкая О. В. Дестинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9-2 (87).
3. Кублицкая О. В. Путевая проза: жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения) // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 1.
4. Кублицкая О. В., Мальцева Т. В. Травелогема: к определению объема понятия // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 6.
5. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и их место в русской культуре // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987.
6. Мамуркина О. В. «Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А**»: специфика повествовательной структуры травелога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-2 (48).
7. Петрунина Н. Н. Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров // Русская литература. 1978. № 1.
8. Пономарев Е. Р. «Письма русского офицера» Федора Глинки как «Путешествие на Запад» // История русской литературы. 2011. № 6.
9. Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: путешествие на Запад в русской литературе 1920-1930-х годов: дисс. ... д. филол. н. СПб., 2014.
10. Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза: сборник. Л., 1926.
11. Сиповский В. В. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
12. Тартаковский А. Г. К изучению текста «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки // Источниковедение отечественной истории. 1981: сб. ст. М.: Наука, 1982.

Информация об авторах | Author information

RU**Константинова Наталья Владимировна¹**, к. филол. н., доц.¹ Новосибирский государственный педагогический университет**EN****Konstantinova Natalya Vladimirovna¹**, PhD¹ Novosibirsk State Pedagogical University¹ scribe2@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.03.2023; опубликовано (published): 17.05.2023.

Ключевые слова (keywords): структура повествования; травелог; сентиментальный канон; тип путешественника; narrative structure; travelogue; sentimental canon; traveller type.